

Глава XXXVIII

Драма братьев Мак-Намара, разыгранная в суде Лос-Анджелеса, держала всю страну в напряжённом ожидании и вдруг закончилась фарсом. Братья Мак-Намара сознались! Внезапно к всеобщему удивлению они признали себя виновными в преступлениях, за которые их судили. Реакционная пресса ликовала; Ассоциация предпринимателей и производителей, Гаррисон Грей Отис, Уильям Бёрнс со своей бандой шпионов, чьей задачей было отправить обвиняемых на тот свет, были в восторге от столь удачного стечения обстоятельств. Разве они не утверждали с самого начала, что братья Мак-Намара — анархисты и бомбисты?

Обвинители и стукачи имели все основания благодарить судьбу, которая сделала возможным чистосердечное признание. Это был удар по рабочему движению, который не мечтал нанести даже детектив Бёрнс. Увы, ответственными за это признание были люди не из стана врага, а из лагеря трудовых организаций, из круга «друзей-доброжелателей».

Было бы несправедливо возлагать на одного человека всю ответственность за нелепый конец того, что начиналось как эпохальное событие в истории промышленной войны в Соединённых Штатах. Непонимание Джоном и Джеймсом Мак-Намара социальной значимости собственного дела также стало причиной непоправимой ошибки, которую они совершили. Будь у Мак-Намара революционный дух и интеллектуальная мощь, которыми обладали Саша и другие борцы за социальную справедливость, у них был бы повод с гордостью принимать свои поступки и вдумчиво анализировать причины, которые вынудили прибегнуть к насилию. Тогда не могло бы быть ни вины, ни её признания. Но братья Мак-Намара были всего лишь членами профсоюза, которые видели в своей борьбе только обычную вражду между их организацией и промышленниками.

Тем не менее, несмотря на прискорбную ограниченность этих несчастных, робость их защитников и доверчивость реформистов из числа друзей гораздо больше заслуживали осуждения. Эти люди, по-видимому, никогда не учатся на ошибках. Сколь бы часто они ни наблюдали, как лев пожирает ягнёнка, они продолжали цепляться за надежду, что природа зверя может измениться. Если бы только лев смог лучше узнать ягнёнка или как следует обсудить все разногласия, он непременно научился бы ценить своего кроткого брата и таким образом сам стал бы ручным. Посему обвинителям братьев Мак-Намара не составило труда сказать их «друзьям»: «А теперь, джентльмены, убедите заключённых признать вину. Заставьте их сознаться, и мы даём слово чести, что Мак-Намара останутся живы, и больше не будет облав, арестов, преследований людей труда, связанных с этими поступками. Доверьтесь нам, джентльмены. Мы рычим, как львы, но наши сердца добры. Мы сочувствуем бедным ягнятам, сидящим в окружной тюрьме Лос-Анджелеса. Заставьте их сознаться, и они не будут обречены на смерть. Это джентльменское соглашение. Давайте пожмём друг другу руки и будемте ягнятами».

И эти младенцы поверили. Они обманулись обещаниями хитрых коварных зверей. Они пошли навстречу, вдохновлённые выпавшей на их долю великой миссией — примирить льва и ягнёнка. Но долго ждать не пришлось, чтобы вкус нежной баранины заставил льва захотеть больше мяса. Снова начались облавы, арест следовал за арестом, обвинения множились, угодившие в сети жертвы подвергались жестокой травле.

Джона и Джеймса Мак-Намара свергли с пьедестала и бросили в грязь. Их очерняли, поносили и клеймили те же сподвижники, которые недавно устилали им путь розами. Гнусные отступники теперь били себя в грудь и кричали: «Нас обманули, мы не знали, что Мак-Намара виновны и прибегали к насилию. Они преступники».

Развал судебного процесса обнажил ужасающую беспочвенность радикализма в рядах рабочих и за их пределами и малодушие многих из тех, кто считал себя борцами за дело трудящихся.

Лишь немногие сохранили ясный ум и стойкость духа, слишком немногие на фоне толпы, требующей предать анафеме двух заложников. Они не поддались всеобщей панике, последовавшей за признанием Мак-Намара. Среди немногих разумных людей в Соединённых Штатах было большинство анархистов, вставших на сторону покинутых рабочих лидеров, ставших жертвами системы, основанной на насилии и устойчивой к иным методам индустриальной борьбы.

Редакция Mother Earth на страницах журнала и со сцены выразила своё отношение к дешёвым оправданиям тех, кого «обманули, заставив считать Мак-Намара невиновными». Мы считали, что если эти отговорки были искренними, то члены профсоюзов, реформисты и политические социалисты — просто дураки и не заслуживают быть наставниками народа. Мы отмечали, что тот, кто пребывает в неведении относительно причин классового конфликта, сам ответственен за его существование.

Каждый раз, когда я читала лекции о деле Мак-Намара, полиция и сыщики следили за мной, но мне было всё равно. На самом деле я была бы рада аресту. Тюрьма казалась лучше мира трусости и бессилия. Однако ничего подобного не случилось, и я продолжала работу. Следующая задача — забастовка в Лоренсе — уже стояла на повестке дня.

Двадцать пять тысяч работников текстильной промышленности, мужчины, женщины и дети, были вовлечены в борьбу за пятнадцатипроцентное повышение зарплаты. В течение многих лет они батрачили по пятьдесят шесть часов в неделю, получая за это в среднем по восемь долларов. Благодаря усилиям этих людей промышленники стали безмерно богаты. Нищета и страдания, в конце концов, вынудили рабочих текстильных фабрик Лоренса начать забастовку. Борьба едва началась, как хозяева стали показывать зубы. В этом их поддерживали государство и даже университетская администрация. Губернатор штата Массачусетс, сам владелец фабрики, отправил национальную гвардию на защиту своих интересов и интересов своих коллег-фабрикантов. Ректор Гарварда, являясь одним из акционеров, тоже был заинтересован в дивидендах, поступающих с заводов Лоренса. Результатом этого единства государства, капитализма и учебных заведений Массачусетса были орды полиции, сыщиков, солдат и университетских головорезов, спущенных на

беззащитных забастовщиков. Первыми жертвами воцарившегося военного террора стали Анна Лапецо и Джон Рамо. Девушка была убита в ходе перестрелки, юношу заколол штыком солдат. Вместо того чтобы задержать виновников преступления, государственные и местные власти среди прочих арестовали Джозефа Эттора и Артуро Джованитти, двух главных лидеров забастовки. Эти люди были осознанными мятежниками, за которыми стояли Индустриальные рабочие мира и другие революционные группы страны. Рабочие организации Востока с готовностью сплотились для поддержки бастующих в Лоренсе и защиты арестованных. Брешь, пробитая арестом Эттора и Джованитти, была немедленно закрыта Биллом Хейвудом и Элизабет Герли Флинн. Многолетний опыт трудовой борьбы, решительность и такт Хейвуда делали его особой силой в сложившейся ситуации, а молодость, очарование и красноречие Элизабет легко завоевали сердца людей. Имена и репутация этих двоих обеспечили забастовке известность и поддержку в масштабах страны.

Эттор и Джованитти

Я знала Элизабет и восхищалась ей с тех пор, как впервые услышала её много лет назад на митинге. Тогда ей было не больше четырнадцати, у неё были красивые лицо и фигура, а голос дрожал от искренности. Она произвела на меня сильное впечатление. Позже я видела её с отцом на своих лекциях. Элизабет была прекрасна, как картинка, — чёрные волосы, большие синие глаза и нежное лицо. Часто я с трудом могла отвести от неё взгляд, когда она сидела в первом ряду на митингах.

Элизабет Герли Флинн, Уильям Хейвуд и Джозеф Эттор

Благодаря грандиозной борьбе за свободу слова, которую она вела в Спокане вместе с другими членами ИРМ, и преследованиям, которые ей пришлось вынести, Элизабет Герли Флинн стала мне очень близка. И когда я услышала, что она больна после рождения ребёнка, я почувствовала большую симпатию к молодой бунтарке, одной из первых американских революционерок пролетарского происхождения. Заинтересованность в её судьбе побудила меня с особым усердием собирать средства не только на борьбу в Спокане, но и для Элизабет лично, чтобы поддержать её в первые месяцы материнства.

С тех пор как она вернулась в Нью-Йорк, мы часто общались на митингах и в неформальной обстановке. Элизабет не была анархисткой, но она не проявляла фанатизма или враждебности, как некоторые её товарищи, вышедшие из Социалистической рабочей партии. В наших кругах её принимали как свою, а я любила её как подругу.

Билл Хейвуд только недавно приехал в Нью-Йорк. Мы сразу же познакомились и очень подружились. Билл тоже не был анархистом, но, как и Элизабет, был свободен от узколобого сектантства. Он честно признался, что с анархистами, в особенности с сотрудниками редакции Mother Earth, он чувствовал себя более комфортно, чем среди фанатиков из числа своих сторонников.

Самой примечательной чертой Билла была необыкновенная чуткость. Этот великан, внешне столь суровый, вздрагивал от грубого слова и трепетал при виде страданий. Однажды, выступая на мероприятии, посвящённом годовщине 11 ноября, он рассказал, какое влияние на него оказало злодеяние 1887 года. В то время он был всего лишь мальчишкой, уже работавшим в шахтах. «С тех пор, — сказал он, — чикагские мученики стали моими главными вдохновителями, а их мужество — моей путеводной звездой». Квартира 210 по 13-й Восточной улице стала для Билла убежищем. Он часто проводил у нас свободные вечера. Здесь он мог почитать и отдохнуть вволю или выпить кофе «чёрного, как ночь, крепкого, как революционные идеалы, сладкого, как любовь».

В разгар забастовки в Лоренсе ко мне обратился мистер Сол Фильдман, социалист из Нью-Йорка, с приглашением принять участие в дебатах о различиях в теории и тактике социализма и анархизма. Я дискутировала с социалистами по всей стране, но ни разу — в собственном городе. Я была рада этой возможности, предложение пришлось по вкусу и Бену. Он заявил, что нам подойдёт только Карнеги-Холл; он был уверен, что мы сможем его заполнить, и отправился договариваться об аренде. Но он вернулся опечаленным: зал был свободен только один вечер. Во второй день ему пришлось довольствоваться Театром Республики.

Мне пришло в голову, что дебаты — великолепная возможность собрать значительную сумму на забастовку в Лоренсе, и мистер Фильдман со мной согласился. Мы не договорились, кто сделает обращение, но я остановила свой выбор на Большом Билле. В разгар борьбы он лучше всех подходил на эту роль.

Мистер Фильдман был намерен назначить председателя из своих сторонников. Я не возражала, мне было безразлично, кто будет вести мероприятие. В день дебатов мой оппонент заявил, что ему до сих пор не удалось найти ведущего, а товарищи-социалисты сурово его порицали за то, что он вообще затеял эти дебаты. «Прекрасно, мы отправим телеграмму Биллу Хейвуду, — сказала я. — Он будет рад провести встречу и как раз намерен сделать обращение». Но мистер Фильдман отказался. Он сообщил, что предпочёл бы Хейвуду кого угодно, хоть анархиста. Я настаивала, что с воззванием должен выступить Билл, вне зависимости от того, кто будет председательствовать. Вечером, когда я приехала в Карнеги-Холл, Фильдман всё ещё не нашёл ведущего, но и с кандидатурой Билла соглашаться не хотел. «Хорошо, дебатов не будет, — заявила я. — Но я сама скажу зрителям, по какой причине». Столь категоричное заявление испугало Фильдмана, и он покорился.

Публике было известно, что Билл приехал прямиком из Лоренса. Эмоции, вызванные забастовкой, вылились в бурные овации. Его простой призыв проявить солидарность с героическими мужчинами и женщинами Лоренса тронули всех до глубины души. Через несколько минут вся сцена была усыпана деньгами, и мистер Фильдман ползал на четвереньках, собирая урожай после выступления Билла. Нам удалось получить пятьсот сорок два доллара, что было внушительной суммой для публики, состоящей из рабочих людей, которые к тому же уже заплатили за вход.

Наконец бой быков начался, но, увы, бык оказался совершенно ручным животным. Мистер Фильдман наизусть знал свой катехизис. Он чеканил свои марксистские молитвы с красноречием и точностью, которые достигаются только практикой, но не высказал ни одной свежей или независимой мысли. Он в красках расписывал удивительные достижения социал-демократии в Германии, подробно останавливаясь на влиятельности своей партии, которая получила четыре миллиона голосов и привлекла в профсоюзы целых восемь миллионов последователей. «Только подумайте, что могут сделать эти двенадцать миллионов социалистов! — торжествующе восклицал он. — Прекратить войны, завладеть средствами производства и распределения. И не насильственным путём, а лишь благодаря политической силе! Что касается государства, разве Энгельс не говорил, что оно отомрёт само по себе?» Он искусно произнёс свою великолепную социалистическую речь. Но это

были ещё не дебаты.

Исторические и актуальные факты, которые я привела как доказательство разложения социализма в Германии; предательство большинства социалистов, пришедших к власти; тенденцию довольствоваться косметическими реформами, которую можно наблюдать повсеместно, — всё это мистер Фильдман предпочёл проигнорировать. Всякий раз, когда он поднимался для ответа, то слово в слово повторял сказанное в первом раунде.

Наши дебаты в Театре Республики о том, что лучше — политическое или прямое действие — получились более оживлёнными. Присутствовало много парней из ИРМ, которые повысили градус дискуссии. Забастовка в Лоренсе была ярким примером прямого действия. Мой оппонент уже не был так уверен в себе, как в тот раз, когда он весьма категорично презентовал социалистическую теорию. Особенно его смутили вопросы, которыми его закидал с галёрки парень из ИРМ: «Каким образом политическая деятельность может помочь массе сезонных рабочих, которые никогда не задерживаются на одном месте достаточно долго, чтобы попасть в списки голосующих, или миллионам несовершеннолетних мальчиков и девочек, не имеющих права голоса? Разве прямое массовое действие не их единственное орудие, причём самое эффективное, для достижения экономической справедливости? Возьмём текстильщиков Лоренса: им что, надо было подождать, пока они смогут проголосовать за своих товарищей-социалистов на выборах в законодательные органы Массачусетса?»

Мой оппонент вспотел, пытаясь уклониться от однозначного ответа. Когда он, наконец, всё же начал отвечать на этот вопрос, то сообщил, что социалисты одобряют забастовки, но когда они завоюют большинство голосов и придут к власти, такие методы больше не понадобятся. Это было уже слишком для собравшейся братии. Они буквально выли от смеха, топали ногами и пели песни ИРМ.

Наша работа не оставляла нам досуга на общение или интеллектуальные развлечения. Возвращение Павла Орленева с новой труппой в Америку стало большим сюрпризом и обрадовало всех, кто познакомился с этим человеком в его первый визит. Павел выглядел постаревшим; на лице появилось больше морщин, во взгляде — больше Weltschmerz³⁹. Но он остался таким же наивным, неземным существом, живущим только своим искусством.

Помочь ему добиться некоторого успеха могли представители идиш-прессы, в частности, Эйб Каган и другие еврейские авторы. Орленев и слушать не хотел, когда я предложила ему связаться с ними. Он сказал, что это не из-за обиды на недружелюбное отношение, которое проявилось к концу его визита в 1905 году. «Видите ли, мисс Эмма, — объяснял Орленев, — почти год я живу Брандом Ибсена. Вы знаете, каков его девиз: „Никаких компромиссов, всё или ничего“. Можете ли вы представить, чтобы Бранд обивал пороги редакторов? Если я совершу поступок, который мог бы вызвать презрение Бранда, я разрушу всю концепцию моего персонажа».

Вскоре Орленев уехал из Америки. Он не мог адаптироваться к этой стране и принять местное отношение к искусству. Осознание, что узы, связывавшие его с Аллой Назимовой, определённо были разорваны, исключало его длительное пребывание. Теперь их разделяла

пропасть, которая, должно быть, всегда существует между подлинно творческим артистом и человеком, заинтересованным главным образом в материальном успехе.

В Чикаго мне посчастливилось познакомиться с известным российским революционером Владимиром Бурцевым⁴⁰. Мне было очень интересно послушать подробный рассказ о его трудной миссии по разоблачению полицейского шпиона Азефа. Азеф, без сомнения, был самым феноменальным явлением в хронике революции. Не то чтобы до или после него в революционных кругах не было предателей. Но Азеф был необычным шпионом, и даже сегодня психология этого человека остаётся неразгаданной тайной. На протяжении многих лет он не только был членом Боевой организации эсеров, но и всемогущим главой этой террористической организации. Он спланировал и успешно осуществил множество терактов против высших сановников царского правительства и пользовался абсолютным доверием всех соратников. Когда Бурцев обвинил Азефа, ультратеррориста, в том, что тот является агентом русской тайной полиции, даже ближайшие друзья обличителя подумали, что он лишился рассудка. Одно предположение о подобной возможности расценивалось как предательство революции, ибо Азеф олицетворял сам дух русского революционного движения. Однако Бурцев был чертовски упорным и обладал безошибочной интуицией в подобных вопросах. До этого он уже разоблачил нескольких шпионов, и его источники информации всегда оказывались абсолютно надёжными. Но даже ему пришлось пройти через долгую внутреннюю борьбу, прежде чем он смог поверить в вину доверенного руководителя Боевой организации. Информация, собранная Бурцевым, была неопровержима и изобличала Азефа как человека, которому двадцать лет удавалось обманывать российскую тайную полицию и революционеров одновременно. Бурцеву удалось доказать, что Азеф предал обе стороны; и те, и другие решили покарать Азефа смертью за его колоссальный обман. И всё же в последний момент Азефу удалось обхитрить их, и он сбежал, не оставив и следа.

Не считая радушного приёма, которые оказывали мои товарищи в Денвере, этот город всегда разочаровывал меня. Здесь даже энергия Бена не помогла пробудить интерес к нашей работе. На этот раз круг моих друзей пополнили Лилиан Ольф, Лена и Фрэнк Монро, Джон Шписс, Мэй Кортни и другие американские анархисты, а также новые товарищи из еврейских групп. Но широкая публика игнорировала наши митинги. Так случилось, что *Denver Post* попросила меня написать ряд статей о растущей социальной напряжённости. В то же время несколько знакомых журналисток предложили провести специальную лекцию в Браун Палас Отёле. Темой они выбрали «Шантеклер» Ростана.

Я давно убедилась, что современная драма является благодатной почвой для распространения новых идей. Моим первым опытом была беседа с группой шахтёров о пьесах Джорджа Бернарда Шоу в 1897 году. Это случилось во время обеденного перерыва, и мы находились на глубине четырехсот футов под землёй. Мои слушатели столпились вокруг меня, их чёрные лица блестели тут и там в свете ламп. Их глубоко запавшие глаза сначала смотрели без интереса, но постепенно озарились пониманием общественной значимости работ Шоу. Нарядная публика в роскошном бальном зале Браун Палас Отеля отреагировала так же, как и шахтёры. Они тоже увидели своё отражение в зеркале драмы. Несколько преподавателей университета и старшей школы уговаривали меня прочесть курс лекций о драматургии. Среди них моё внимание особо привлекла одна женщина, мисс Эллен Кеннан,

очень образованная дама. Она предложила продолжать занятия, пока я не приеду снова. Так мой визит в Денвер ради пяти лекций затянулся и имел результатом четырнадцать лекций и пять статей для Post.

В числе интересных событий во время моего пребывания в городе была премьера «Шантеклера» с Мод Адамс в главной роли. Я посетила спектакль, поскольку меня попросили написать рецензию на пьесу для газеты. Мисс Адамс нравилась мне в других, более сдержанных, ролях, но её стан и голос показались мне неподходящими для роли Шантеклер.

Сан-Диего, штат Калифорния, славился большой свободой слова. Анархисты, социалисты, члены ИРМ, а также представители религиозных сект, имели обыкновение выступать на площадях, собирая толпы народа. В один момент отцы города выпустили указ, который покончил с этой старой традицией. Анархисты и ИРМ начали сражение за свободу слова, в результате которого восемьдесят четыре человека оказались за решёткой. Среди них был Е. Е. Кирк, который защищал меня в Сан-Франциско в 1909 году, миссис Лора Эмерсон, известная бунтарка, и Джек Уайт, один из самых умных парней из ИРМ в Калифорнии.

Когда в апреле мы с Беном прибыли в Лос-Анджелес, Сан-Диего был охвачен настоящей гражданской войной. Патриоты, известные как вигиланты⁴¹, превратили город в поле боя. Они избивали и убивали мужчин и женщин, которые всё ещё верили в свои конституционные права. Сотни таких людей приехали в Сан-Диего со всех концов страны, чтобы принять участие в кампании. Они прибывали в крытых вагонах, на бамперах, на крышах поездов, рискуя жизнями каждую минуту, но продолжали священный поход за свободу слова, из-за которой их товарищи томились в тюрьмах.

Вигиланты ворвались в офис ИРМ, переломали мебель и арестовали множество людей, которые там находились. Их отвезли в Сорренто к месту, где был водружён флагшток. Там членов ИРМ поставили на колени, заставили целовать флаг и петь национальный гимн. Подгоняя пленников, кто-то из вигилантов ударил одного из них по спине, что послужило сигналом для массового избиения. После этого людей затолкали в автомобили и отправили на границу округа в Сан-Онофре, заперли в загоне для скота под присмотром вооружённой охраны и держали без еды и воды восемнадцать часов. На следующее утро их вывели группами по пять человек и прогнали через строй. Когда они проходили между двумя шеренгами вигилантов, те колотили их дубинками. Затем повторилась сцена с целованием флага, после чего людям приказали убираться на все четыре стороны и никогда не возвращаться. Несчастные добрались до Лос-Анджелеса спустя несколько дней скитаний, избитые, голодные, без гроша в кармане, в плачевном физическом состоянии.

В этой борьбе, где местная полиция приняла сторону вигилантов, погибли несколько членов ИРМ. Самый жестокий случай произошёл 7 мая, когда был убит Йозеф Миколасек. Он был одним из тех восставших, которые попытались занять место арестованных ораторов. Когда он поднялся на сцену, на него напала полиция. Он с трудом добрался до штаб-квартиры - социалистов, а оттуда домой. За ним последовали сыщики, которые набросились на Миколасека прямо в его доме. Один полицейский выстрелил в Йозефа и серьёзно его ранил. Пытаясь обороняться, Миколасек взялся за топор, но пули изрешетили тело

несчастливого прежде, чем он успел поднять оружие на нападавших.

В каждом турне по Побережью я читала лекции в Сан-Диего. На этот раз мы также запланировали там митинги после окончания всех наших мероприятий в Лос-Анджелесе. Вести из Сан-Диего и прибытие десятков раненых жертв вигилантов вынуждали нас ехать немедленно. Мы чувствовали себя обязанными присоединиться к борьбе за свободу слова, особенно после убийства Миколасека. Однако сначала нужно было позаботиться о несчастных парнях, которые сбежали от своих мучителей и добрались до нас живыми. С помощью группы женщин мы организовали пункт питания в здании ИРМ. Мы собирали деньги на моих митингах, а также принимали одежду и еду от дружественных лавочников.

Власти Сан-Диего были недовольны убийством Миколасека, они даже не позволили похоронить его в городе. Поэтому мы перевезли его тело в Лос-Анджелес и организовали демонстрацию в его честь. Йозеф Миколасек был скромным и безвестным при жизни, но вырос в фигуру национальной значимости после смерти. Даже полиция города была удивлена числом, достоинством и горем людей, которые следовали за гробом до крематория.

Пара товарищей из Сан-Диего взялись организовать митинг, и я выбрала тему, которая, казалось, лучше всего отражала ситуацию — «Враг народа» Генрика Ибсена.

По приезду мы застали на вокзале плотную толпу. Мне и в голову не пришло, что все эти люди могли прийти ради нас, я подумала, что ждут прибытия какого-то государственного чиновника. Нас должны были встретить Кирк с женой, но их нигде не было видно, и Бен предложил поехать в Отель Гранта. Мы прошли сквозь толпу незамеченными и сели в автобус до отеля. Внутри было жарко и душно, и мы поднялись наверх. Едва мы уселись, как кто-то закричал: «Вон она, та самая Гольдман!» Толпа тут же подхватила крик. Модные одетые женщины вскочили с мест в своих кабриолетах с воплями: «Хватайте убийцу-анархистку!» В мгновение ока автобус окружили люди, руки тянулись, чтобы стащить меня вниз. С необычайной невозмутимостью шофёр нажал на газ, и толпа бросилась врассыпную.

В отеле нас приняли без возражений, зарегистрировали и проводили в наши комнаты. Всё казалось нормальным. Мистер и миссис Кирк зашли повидаться, и мы негромко обсудили последние приготовления к митингам. После обеда старший администратор зашёл сообщить, что вигиланты потребовали журнал регистрации, чтобы узнать номера наших комнат. Поэтому он предложил нам переселиться в другую часть здания. Нас отвели на верхний этаж и разместили в просторном люксе. Позже к нам зашёл мистер Холмс, управляющий. Он заверил, что под крышей отеля мы в полной безопасности, но он не может позволить нам спускаться в ресторан или покидать комнату. Ему придётся держать нас взаперти. Я возразила, что Отель Гранта не тюрьма. Он ответил, что не станет удерживать нас в четырёх стенах против воли, но, пока мы его гости, нам придётся подчиниться его требованиям безопасности. «Вигиланты в скверном настроении, — предупредил он, — они намерены сорвать ваше выступление и вывезти вас обоих из города». Он уговаривал нас уехать по своей воле и вызвался нас сопровождать. Он был добрым человеком, и мы оценили его предложение, но вынуждены были отказаться.

Только мистер Холмс вышел, как меня позвали к телефону. Собеседник сказал, что его фамилия Эдвардс, он возглавляет местную консерваторию и только что прочёл в газете, будто хозяин зала, который мы сняли, отказался его сдавать. Он предложил нам одно из помещений консерватории. «Похоже, в Сан-Диего ещё не перевелись храбрецы», — сказала я таинственному незнакомцу на другом конце провода и пригласила его зайти к нам, чтобы обсудить предложение. Вскоре появился красивый мужчина, на вид ему было около двадцати семи лет. В ходе разговора я предупредила, что моё выступление в его зале может обернуться неприятностями. Он ответил, что ему безразлично: он считает себя анархистом в искусстве и придаёт большое значение свободе слова. Если я готова рискнуть, то и он тоже. Мы решили подождать развития событий.

Ближе к вечеру какофония из сигналов автомобилей и свиста наполнила улицу. «Вигиланты!» — воскликнул Бен. В дверь постучали, вошёл мистер Холмс в сопровождении двух незнакомцев. Они сообщили, что внизу меня ожидают представители городской власти. Бен почуял неладное и настаивал, чтобы я предложила гостям подняться наверх. Мне это показалось трусостью. Был ранний вечер, мы находились в главном отеле города. Что могло с нами случиться? Я пошла за мистером Холмсом, Бен последовал за нами. Внизу нас проводили в комнату, в которой находилось семеро мужчин, стоявших полукругом. Нас пригласили присесть и подождать начальника полиции, который вскоре прибыл. «Пожалуйста, пройдёте со мной, — обратился он ко мне, — мэр и другие чиновники ожидают вас в соседней комнате». Мы поднялись, но начальник повернулся к Бену и сказал: «Вы не приглашены, доктор. Подождите здесь».

Я вошла в комнату, полную людей. Шторы на окнах были приспущены, но большой электрический фонарь на улице освещал возбуждённую толпу, собравшуюся перед отелем. Мэр подошёл ко мне. «Вы слышите эту толпу? — спросил он, кивая на улицу. — Они настроены серьёзно. Они хотят вытащить вас с Рейтманом из отеля, даже если им придётся применить силу. Мы ничего не можем гарантировать. Если вы согласитесь уехать, мы предоставим вам защиту и благополучно проводим из города».

«Вы так добры, — ответила я, — но почему вы не разгоните эту толпу? Почему вы не используете против этих людей те же методы, что применяете против борцов за свободу слова? Ваше постановление запрещает собрания в деловых районах. Сотни членов ИРМ, анархистов, социалистов и участников профсоюзов были избиты и арестованы, а некоторые даже убиты за нарушение этого закона. Но вы позволяете толпе линчевателей собираться в оживлённой части города и препятствовать движению. Вам всего лишь нужно разогнать этих нарушителей».

«Мы не можем сделать этого, — отрезал он. — Эти люди в скверном настроении, а ваше присутствие только усугубляет дело».

«Прекрасно, тогда позвольте мне поговорить с людьми, — предложила я. — Я могла бы сделать это прямо отсюда, из окна. Мне случалось встречаться с разъярённой толпой, и я всегда могла успокоить её».

Мэр отказался.

«Я никогда не принимала защиту от полиции, — сказала я тогда, — и не собираюсь делать этого сейчас. Я обвиняю вас всех в пособничестве вигилантам».

На это чиновники заявили, что умывают руки, и мне стоит винить только себя, если что-то случится.

Завершив разговор, я отправилась за Беном. Комната, в которой я его оставила, оказалась заперта. Я встревожилась и стала колотить в дверь. Ответа не было. На шум прибежал коридорный. Он открыл замок, но в номере никого не было. Я бросилась обратно в соседнюю комнату и столкнулась с шефом полиции, который как раз из неё выходил.

«Где Рейтман? — допытывалась я. — Что вы с ним сделали? Если хоть один волос упадёт с его головы, вы за это заплатите, даже если мне придётся сделать это своими руками».

«Откуда мне знать?» — грубо ответил он.

Мистера Холмса в офисе не было, и никто не мог мне сказать, что случилось с Беном Рейтманом. В ужасе я вернулась в наш номер. Бен не появлялся. В смятении я ходила по комнате, не в силах решить, какие шаги стоит предпринять и к кому обратиться, чтобы разыскать Бена. Я не могла позвонить никому в этом городе, не подвергнув этого человека опасности, и особенно мистеру Кирку: его обвиняли в связях с движением за свободу слова и он уже находился под наблюдением. Они с женой поступили смело, встретившись с нами, и это, определённо, усугубит его положение. То обстоятельство, что Кирки не вернулись, как обещали, доказывало, что им пришлось держаться подальше.

Я чувствовала себя беспомощной. Время тянулось бесконечно, и в полночь я отключилась от усталости. Мне снился Бен, связанный, с кляпом во рту, он простирал ко мне руки. Я безуспешно пыталась до него дотянуться и проснулась от своего крика, вся в холодном поту. Послышались голоса, а затем громкий стук в дверь. Я открыла, в комнату вошёл местный детектив и ещё один человек. Они сказали, что Рейтман в безопасности. Я изумлённо смотрела на них, едва понимая смысл сказанного. Гости рассказали, что Бена схватили вигиланты, но ему не причинили вреда. Они лишь посадили его на поезд в Лос-Анджелес. Я не поверила детективу, но второй мужчина казался порядочным. Он повторил, что, насколько ему известно, с Рейтманом всё в порядке.

Вошёл мистер Холмс. Он подтвердил слова незнакомца и умолял меня уехать по доброй воле. Он уверял, что нет смысла дольше оставаться в городе. Мне не позволят выступить с лекциями, и я лишь компрометирую его. Он надеялся, что я не стану злоупотреблять привилегиями, которые даёт мне пол и настаивать на своём. Даже если я останусь, вигиланты так или иначе вывезут меня из города.

Мистер Холмс был искренне обеспокоен. Я понимала, что у меня нет шансов провести митинг. Теперь, когда Бен был вне опасности, не было никакого смысла продолжать изводить мистера Холмса. Я согласилась уехать, намереваясь сесть на ночной поезд в 2:45 до Лос-Анджелеса. Я поймала извозчика и поехала на вокзал. Город спал, улицы опустели.

Я купила билет и уже шла к пульмановскому вагону, как вдруг услышала звук подъезжающих автомобилей — тот страшный шум, который я впервые услышала на вокзале и после у отеля. Конечно же, это были вигиланты.

«Скорее! Скорее! — крикнул кто-то. — Быстро заходите!»

Прежде чем я успел сделать ещё один шаг, меня подхватили, втащили в поезд и буквально бросили в купе. Шторы опустили, а меня заперли внутри. Вигиланты подъехали и теперь бежали взад и вперёд по платформе, крича и пытаясь вскочить на поезд. Но кондукторы были начеку и не позволяли им войти. Повсюду слышались бешеные вопли и ругательства, пока состав, наконец, не тронулся. Это были отвратительные и ужасающие мгновения.

Мы ехали медленно, останавливались на многочисленных станциях. Каждый раз я нетерпеливо выглядывала наружу, надеясь, что Бен где-то дожидается меня. Но его нигде не было видно. Не обнаружила я его и добравшись до своей квартиры в Лос-Анджелесе. Человек из Отеля Гранта просто солгал мне, чтобы выдворить из города!

«Он мёртв! Он мёртв! — кричала я в отчаянье. — Они убили моего мальчика!»

Напрасно я старалась отогнать эту страшную мысль. Я позвонила в Los Angeles Herald и San Francisco Bulletin, чтобы сообщить об исчезновении Бена. Обе газеты единодушно осудили террор вигилантов. Путеводной звездой Bulletin был мистер Фремонт Олдер, вероятно, единственный человек в капиталистической прессе, который был достаточно смел, чтобы отстаивать дело трудящихся. Он доблестно боролся за братьев Мак-Намара. Просвещённый гуманизм мистера Олдера сформировал на Побережье новое отношение к социальным преступникам. С начала событий в Сан-Диего он продолжал бесстрашно атаковать вигилантов. Мистер Олдер и редактор Herald пообещали сделать всё возможное, чтобы разыскать Бена.

В десять часов мне позвонили с междугороднего номера. Незнакомый голос сообщил, что доктор Рейтман садится на поезд до Лос-Анджелеса и приедет после обеда. «Пусть друзья принесут на вокзал носилки». «Он жив? — закричала я в трубку. — Вы говорите правду? Он живой?» — я затаила дыхание, но ответа не было.

День тянулся бесконечно, и, казалось, никогда не кончится. Ещё более мучительным было ожидание на вокзале. Наконец, подъехал поезд. Бен, весь сжавшись, лежал в последнем вагоне. На нём был синий рабочий халат, лицо его было мертвенно-бледным, а в глазах застыло испуганное выражение. Шляпы на нём не было, а волосы слиплись от смолы. Увидев меня, он закричал: «Ах, мамочка, наконец-то я с тобой! Забери меня отсюда, забери домой!»

Газетчики окружили Бена и засыпали его вопросами, но он был слишком измучен, чтобы говорить. Я попросила репортёров оставить его в покое и зайти к нам домой попозже.

Помогая ему раздеться, я ужаснулась, увидев, что всё его тело было покрыто синяками и пятнами смолы. На его коже были выжжены буквы «ИРМ». Бен не мог разговаривать, лишь его взгляд пытался выразить, через что ему пришлось пройти. Подкрепившись и поспав несколько часов, он немного пришёл в себя. В присутствии друзей и репортёров он поведал,

что с ним произошло.

«Когда Эмма и управляющий отелем вышли из кабинета в другую комнату, — рассказывал Бен, — остались я и семеро мужчин. Как только за вами закрылась дверь, они вытащили револьверы. „Только попробуй пикнуть или двинуться с места — мы тебя прикончим“, — пригрозили они мне. Потом меня окружили. Один мужчина схватился за правую руку, другой — за левую, третий — за полы пальто, четвёртый ухватился сзади, так мы вышли в коридор, спустились на лифте на первый этаж, вышли на улицу, прошли мимо полицейского в форме, затем меня затолкали в машину. Когда толпа меня увидела, поднялся вой. Автомобиль медленно поехал по главной улице, за ним последовал ещё один, в котором сидело несколько человек, похожих на бизнесменов. Это было около половины одиннадцатого вечера. Путешествие длиной в двадцать миль было ужасным. Как только мы выехали из города, эти люди принялись избивать меня. Они по очереди хватали меня за волосы и тыкали пальцами в глаза и в нос. „Мы могли бы вырвать тебе кишки, — сказали они. — Но мы обещали начальнику полиции не убивать тебя. Мы порядочные люди, собственники, и полиция на нашей стороне“. Когда мы достигли границы округа, автомобиль остановился в безлюдном месте. Вигиланты окружили меня и приказали раздеться. Они сбили меня с ног, сорвали одежду и бросили голым на землю, а потом избивали до тех пор, пока я не потерял сознание. Зажжённой сигарой они выжгли „ИРМ“ у меня на ягодицах, а потом вылили банку смолы мне на голову и за неимением перьев натёрли меня полыню. Один из них попытался засунуть мне в прямую кишку трость. Другой прищемил мошонку. Они заставили меня поцеловать флаг и спеть „Звездно-полосатый стяг“. Устав развлекаться, они отдали мне нижнее бельё, опасаясь, что мы можем повстречать кого-нибудь из женщин. Они вернули жилет, чтобы я мог положить в карман деньги, билет на поезд и часы. Остальную одежду оставили себе. Мне приказали произнести речь, а затем прогнали через строй. Вигиланты выстроились в ряд, а я бежал между ними, при этом каждый ударял меня рукой или ногой. Затем меня отпустили».

Случай Бена был лишь одним из многих, произошедших с начала бойни в Сан-Диего, однако он помог привлечь больше внимания к этой дикости. Многие рабочие и радикальные журналисты отправились в Сан-Диего, чтобы получить информацию из первых рук. Губернатор Калифорнии назначил полковника Г. Вайнстока специальным комиссаром по расследованию происшествия. И, хотя его рапорт был сдержанным и осторожным, он подтвердил все обвинения, выдвинутые жертвами зверств вигилантов. Это вызвало возмущение даже в консервативных кругах страны.

В Лос-Анджелесе волна сочувствия поднялась высоко и привлекла огромную аудиторию. На митинге протеста вечером мы выступали перед публикой в двух залах. Мы могли бы собрать ещё несколько, если бы смогли их арендовать и у нас было бы достаточно ораторов.

Сан-Франциско, обычно гостеприимный, в этот раз встречал нас громадной толпой. Наши товарищи сэкономили на рекламе — вигиланты всё сделали за нас. Их действия вынудили власти Сан-Франциско оказать нам радушный приём. Мэр, начальник полиции и полчища детективов встретили нас на вокзале, но не вмешивались в наши дела. Залы, более просторные, чем в Лос-Анджелесе, всё же оказались недостаточно вместительными для публики, желающей посетить лекции, а спрос на нашу литературу поразил даже Бена,

который редко был доволен продажами.

Кульминация наступила на митинге в зале Совета профсоюзов. Ведущим был наш друг Антон Йоханнсен, известный рабочий активист. Он призвал к бойкоту предстоящей ярмарки в Сан-Диего, «пока жители города не вылечатся от бешенства». Бен пересказал подробности нападения на него вигилантов. Я кратко поведала о том, что произошло со мной, а затем прочла лекцию «Враг народа».

До отъезда в Портленд нам удалось собрать значительную сумму на поддержку борьбы за свободу слова в Сан-Диего, выслать деньги на защиту Эттора и Джованитти, а также на какое-то время погасить огромные долги Mother Earth.

Две газеты были главными зачинщиками паники в Сан-Диего. Они подняли крик: «Анархисты и ИРМ опасны!» Жителей города держали в постоянном страхе перед бомбами и динамитом, которые, как утверждалось, тайком провезли на баржах, чтобы взорвать город. Злым гением, направлявшим действия вигилантов, был репортёр одной из этих газет. Подобная слава непременно вызывает зависть у других капиталистических газет. Одно издание Сиэтла стало подражать своими коллегами из Сан-Диего. Задолго до нашего приезда оно начало кампанию, призывающую уважаемых американских патриотов защитить флаг и спасти Сиэтл от анархии. Несколько дряхлых ветеранов испанской войны внезапно обрели вновь своё утраченное мужество и вызвались исполнить свой долг. «Пятьсот храбрых солдат встретят Эмму Гольдман на вокзале, — объявила газета, — и отправят её восвояси».

Эта история, правдивая или нет, вызвала всеобщую панику. Наши друзья из Портленда умоляли нас не приезжать в Сиэтл. Товарищи в Сиэтле беспокоились за нашу безопасность и предложили отменить митинги. Но я настояла на том, что мы не должны отказываться от своих планов.

Приехав в Сиэтл, мы узнали, что мэр Коттерил был сторонником единого налога. Он заявил, что не станет препятствовать свободе слова и пришлёт полицию охранять наши митинги. Смелость трясущихся ветеранов, очевидно, испарилась в последний момент: они не появились, чтобы оказать нам обещанный приём, однако полиция была рядом. Они заполнили зал, расположились на крышах и даже обыскивали зрителей на предмет оружия. Пугающие статьи в Times и целое войско синих кителей, естественно, отпугнули многих людей. Мне пришлось просить мэра не так усердно хлопотать о нашей безопасности и отозвать приставленных к нам защитников. Мэр прислушался к нашей просьбе, после чего публика набралась храбрости и стала посещать наши митинги.

В воскресенье, день моей первой лекции, кто-то оставил для меня в гостинице запечатанный конверт. Анонимный автор предупреждал о подготовке покушения на мою жизнь: меня застрелят, как только я войду в зал. Этой информации я не поверила. Я не хотела беспокоить товарищей, поэтому ничего не сказала о письме своему другу К. Куку, который зашёл, чтобы проводить меня до зала. Я сказала ему, что предпочитаю пойти одна.

Никогда я ещё не была так спокойна, не спеша шагая от гостиницы до места собрания. За квартал до зала я инстинктивно прикрыла лицо большой сумкой, которую всегда носила с собой. Я благополучно вошла в зал и прошла к сцене, всё ещё закрывая лицо сумкой. На протяжении всей лекции я не могла избавиться от мысли: «Только бы защитить лицо!» После лекции я таким же образом вернулась домой, прикрываясь сумкой. Митинги прошли без эксцессов, заговорщики не появились.

Ещё несколько дней я старалась найти разумное объяснение своему глупому приёму с сумкой. Почему я больше беспокоилась о лице, чем о груди или любой другой части тела? Определённо, ни один мужчина не думал бы об этом в такой ситуации. А я под угрозой возможной смерти опасалась, как бы мне не изуродовали лицо! Я была потрясена, обнаружив в себе банальное женское самолюбие.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 19:58:18

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 18 апреля 2025 19:59:13